

Оглавление

Введение.....	5
Часть I. «Цветные революции»: причины, технологии, акторы.....	13
Глава 1. Причины и предпосылки «цветных революций».....	13
Глава 2. Особенности реализации «цветных» технологий	29
Глава 3. Движущие силы «цветных революций»	60
Часть II. Участие молодежных организаций в «цветных революциях»	84
Глава 4. Сербский «Отпор» и крушение режима С. Милошевича	84
Глава 5. Участие «Кмары» в «революции роз» в Грузии	114
Глава 6. Оранжевая «Пора» на Украине.....	132
Глава 7. Молодежь и «арабская весна» в Египте.....	159
Заключение	189
Библиография.....	195

Введение

В современном мире молодежь является значимой общественно-политической силой и важным стратегическим ресурсом, определяющим развитие отдельных стран и международных отношений в целом. В глобальном плане молодежные организации и движения трансформируются в полноценных участников мирополитических процессов, характеризующихся многоуровневой системой координации, разветвленной инфраструктурой территориальных и национальных подразделений, а также конкретизированной программой целей и направлений деятельности. За ними сохраняется внушительный ресурс для последующего расширения влияния и укрепления статуса на международной арене.

При этом молодежные объединения находятся в существенной зависимости от более влиятельных международных игроков — национальных правительств, межгосударственных объединений, неправительственного сектора, крупного транснационального бизнеса. Молодежь отличается высокой активностью и мобильностью, но одновременно эта социальная группа является одной из наиболее уязвимых в современном мире. Недостаток жизненного опыта и полноценного образования, неполная интеграция в общественную структуру делают ее особенно восприимчивой к различным формам влияния и манипулирования. Обратной стороной роста влияния молодежных движений выступает стремление властных групп использовать их для достижения собственных корыстных целей.

Как наиболее пассионарная часть социума молодежь во все времена принимала активное участие в революционных процессах. Этимология термина «революция»

восходит к позднелатинскому *revolutio*, которое переводится как «переворот», «трансформация», «циркуляция». Примечательно, что изначальное значение данного понятия кардинально отличалось от современной трактовки: в астрономической науке оно обозначало циклическое перемещение космических объектов по орбитам, фактически подразумевая возврат к прежнему состоянию, а отнюдь не радикальную ломку существующих структур. Переломный момент в понимании термина произошел после Английской буржуазной революции XVII столетия — с тех пор слово «революция» начало ассоциироваться с народными волнениями и вооруженными выступлениями против власти, имевшими масштабные и фундаментальные последствия¹. Сам термин стал сближаться с понятиями «мятеж», «бунт», «восстание», отличаясь от них глубиной преобразований.

В дальнейшем концепции революционных преобразований активно развивались мыслителями, политическими деятелями и учеными-экономистами Европы и других регионов мира. Так, известный американский исследователь С. Хантингтон предложил одну из наиболее распространенных трактовок революции, охарактеризовав данное явление как стремительную, радикальную и силовую трансформацию внутреннего положения страны, включающую смену доминирующих общественных убеждений и символов, политического устройства, классовой иерархии, управленческих кадров, властных механизмов и курса развития страны². В целом, если рассматривать революцию в широком смысле слова, то она представляет собой трансформацию качественного характера, представляющую собой резкий переход между различными

¹ См.: Завалько Г. А. Понятие «революция» в философии и общественных науках. Проблемы, идеи, концепции. М.: Книжный дом «Либроком», 2017. С. 15.

² Huntington S. P. *Political Order in Changing Societies*. New Haven: Yale University Press, 1968. P. 264.

состояниями системы от устаревшего порядка к обновленному, некую критическую точку в историческом развитии государства и общества.

В новом тысячелетии мир столкнулся с новым явлением — «цветными революциями». Первая из них состоялась в 2000 году в Сербии, в 2003–2005 годах операции по смене политических режимов успешно прошли в Грузии, на Украине и в Киргизии. На рубеже 2010–2011 годов подобные политические потрясения охватили Тунис и Египет, а затем вернулись на постсоветское пространство — на Украину в 2013–2014 годах и в Армению в 2018 году. Символика каждого государственного переворота формировалась на основе различных образов: цветовой палитры, зачастую на основе флористических мотивов («революция роз» в Грузии, «оранжевая революция» на Украине, «тюльпановая революция» в Кыргызстане, «жасминовая революция» в Тунисе), календарных событий («революция 25 января» в Египте), предметов материального мира («бульдозерная революция» в Сербии), социально-политических устремлений, обращенных в прошлое или будущее («бархатная революция» в Армении, «Евромайдан» на Украине).

«Цветные революции» представляли собой именно государственные перевороты, антиконституционные захваты власти с использованием импортированных из-за рубежа технологий «мягкой силы» и методик ненасильственной борьбы. Заметим, что подлинные революционные события Нового времени и «революции» XXI столетия разделяет огромная дистанция — именно это объясняет использование кавычек во втором варианте. Главное различие состоит в том, что настоящая революция представляет собой грандиозное историческое явление, которое меняет траекторию мировой истории. При изучении революций прошлого мы не обнаружим свойственных современным «цветным» переворотам элементов — отработанных методик ненасильственного сопротивления,

стандартизированных сценариев и определяющего влияния зарубежных сил. Основой подлинных революционных движений XVIII — первой половины XX столетия служила принципиально новая идейная концепция, определявшая фундаментальные приоритеты и цели существования человека. В отличие от них «цветные революции» были лишены подобного центрального идеологического стержня. Вместо целостной системы взглядов лидеры протестов и их зарубежные покровители предлагали некий суррогат идей и лозунгов о грядущих улучшениях (снятии ограничительных мер, финансовой поддержке, обновлении хозяйственной системы, борьбе с коррупцией и nepотизмом, вхождении в западные военно-политические и экономические объединения). Одно из ключевых отличий «цветных» переворотов от традиционных революционных процессов прослеживается и через анализ их последствий. Классические революции радикально отличались от всего накопленного прежде исторического опыта и приводили к фундаментальной трансформации государственного устройства — происходил переход от одной общественно-политической формации к принципиально иной (например, смена монархического строя республиканским или капиталистической модели социалистической). «Цветные революции», в свою очередь, ограничивались исключительно ротацией правящих кругов, тогда как системные основы государства либо сохранялись неизменными, либо претерпевали регресс. Примечательно, что истинная задача подобных операций — установление у власти марионеточной элиты, заранее подготовленной и контролируемой зарубежными центрами влияния, — тщательно скрывалась от широких народных масс посредством умело выстроенной информационной завесы с использованием технологий «мягкой силы».

Таким образом, суть «цветных революций» заключалась не в трансформации социально-экономического устройства или политической системы того или иного государства, а в смене правящей элиты, не устраивавшей

их режиссеров и стремившихся устранить действующую власть, установив подконтрольный им режим. По своей природе эти события представляли собой обычные перевороты, замаскированные под подлинные народные восстания. Фактически речь шла о смене одного правительства другим при сохранении существующего строя, хотя внешне все выглядело как масштабная социальная революция. Решающую роль в этом процессе играли западные державы, которые открыто поддерживали противников правящих режимов, прикрываясь лозунгами о необходимости демократических преобразований и обещаниями экономического благополучия и всеобщего процветания. Внешнее влияние со стороны Соединенных Штатов Америки и их партнеров по Североатлантическому альянсу играло ключевую роль в координации действий местных протестных движений, поскольку собственных возможностей у внутренней оппозиции для устранения легитимной власти попросту не хватало. Без такого иностранного вмешательства «цветные революции» не смогли бы ни начаться, ни тем более победить. Разумеется, поводов для народного недовольства в странах — жертвах социальной инженерии было в избытке, в этих государствах к моменту начала операций по смене режима существовало немало социально-экономических трудностей и политических противоречий, которые провоцировали массовое недовольство существующей властью среди значительной доли социально активных граждан. Но решающим все же был внешний, экзогенный фактор.

Протестные выступления развивались по схожему сценарию, демонстрируя общие характеристики: единообразную тактику, аналогичную очередность применяемых методов и практически одинаковую схему организации массовых акций. Учитывая уровень применения информационных технологий при свержении действующей власти и масштаб силового противостояния, «цветные революции» можно разделить на два периода: события

2000–2005 годов (условно — классические «цветные революции») и последующая фаза 2010–2018 годов, получившая обозначение «цветные революции 2.0» (огромную роль в их осуществлении сыграли технологии Web 2.0 и созданные на их основе цифровые платформы — социальные сети, видеохостинги, мессенджеры и т. д.). Для осуществления обеих волн политических трансформаций привлекался комплекс участников, действовавших в рамках концепции «мягкой силы» и стратегии ненасильственной борьбы: медийные платформы традиционного и новейшего формата, международные и национальные неправительственные структуры и, конечно, молодежные организации.

Еще раз подчеркнем, что отличительной чертой операций по смене политических режимов в начале XXI века являлось применение разработанных на Западе методик «мягкой силы» — теоретической модели, сформулированной американским исследователем Дж. Наем — младшим в начале 1990-х годов³. Данная стратегия подразумевает достижение внешнеполитических целей через формирование позитивного восприятия субъекта воздействия, что достигается путем популяризации собственных успехов в различных областях, трансляцию уникальной ценностной парадигмы, которую другие участники мировой политики стремятся адаптировать для себя, продвижение национального языка, культурного наследия, гуманитарных нарративов и политических стандартов.

Инструментом западной «мягкой силы» и стали «цветные революции», которые при этом искусно мимикрировали под стремление к либеральным преобразованиям, приближению к общечеловеческим ценностям и демократическому развитию. Однако их реальные послед-

³ Подробнее см.: Наумов А. О. «Мягкая сила», «цветные революции» и технологии смены политических режимов в начале XXI века. М.: Аргмак-медиа, 2017.

ствия оказались далеки от ожиданий рядовых граждан. Вместо обещанных улучшений произошла лишь ротация элит, изменилось распределение ресурсов и властных рычагов; также были кардинально пересмотрены внешнеполитические приоритеты в пользу западных покровителей. Каждое государство, столкнувшееся с подобными потрясениями, понесло серьезные потери: экономическое благосостояние граждан снизилось, получили распространение радикальные идеологии, возросла террористическая угроза. В результате «цветных революций» некоторые страны лишились контроля над частью своих земель, а другие и вовсе деградировали до статуса несостоявшегося государства.

Стоит отметить, что не все операции по смене режимов оказались успешными. Некоторые попытки «цветных революций» потерпели крах, например дважды в Республике Беларусь («васильковская революция» 2006 года и «Беломайдан» 2020 года). Однако со стороны коллективного Запада все еще продолжают попытки реализовать в суверенных государствах «цветные» сценарии, в рамках которых особая роль отводится антиправительственным молодежным движениям. Неслучайно в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 2021 года четко прописано, что достижение целей обеспечения национальной безопасности страны осуществляется путем реализации государственной политики, направленной на «недопущение вмешательства во внутренние дела Российской Федерации... в том числе путем инспирирования “цветных революций”». При этом особенно подчеркивается важность предупреждения вовлечения в противоправную деятельность российской молодежи и проявлений радикализма в данной среде⁴. В этой связи всесторонний анализ

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Президент России. Официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/2> (дата обращения: 30.11.2025).

роли молодежных движений в инспирированных извне государственных переворотах начала XXI века не только является релевантной научной задачей, но и необходим для разработки и имплементации действенных методов противодействия «цветным революциям».

В качестве наиболее ярких кейсов в монографии выбраны сюжеты, связанные с участием молодежных организаций в «бульдозерной революции» в Сербии, «революции роз» в Грузии, «оранжевой революции» на Украине и «революции 25 января» в Египте.

Часть I. «Цветные революции»: причины, технологии, акторы

Глава 1. Причины и предпосылки «цветных революций»

«Цветные революции» представляют собой комплексный и многогранный феномен всеобщей истории XXI века. Вплоть до сегодняшнего дня они остаются в международной общественно-политической и медийной повестке: недавние события в Грузии и Сербии — наглядное тому подтверждение. На самом деле проблема «цветных революций» уже два десятилетия находится в поле зрения зарубежных и отечественных специалистов. Тем не менее в настоящий момент все еще не существует единого понимания того, какое именно событие можно считать «цветной революцией», какова ее истинная природа, где та грань, перейдя которую «цветная революция» трансформируется в вооруженный мятеж, и т. д.

Что же из себя представляют «цветные революции»: стихийный демократический протест народа против собственных коррумпированных и авторитарных правителей или хорошо разработанную технологию демонтажа политического режима. Другими словами, «цветная революция» — это современный пример революционной трансформации, совершающийся с участием широких общественных масс, разных социальных групп, имеющий в своей основе в первую очередь внутренние причины, или это государственный переворот, основанный на технологиях геополитической инженерии, инициируемый внешними акторами?

Большинство североамериканских и европейских исследователей вопроса в качестве ключевых причин «цветных революций» указывают на внутренние проблемы стран, в которых они произошли. При этом, по мнению крупных ученых-международников, задающих тон в западном научном дискурсе, «цветные революции» являются легальным и оправданным способом распространения демократии и либеральных ценностей Запада, с одной стороны, и средством для реализации стратегии американской внешней политики — с другой⁵. Характерно, что многие представители этого направления не только являются теоретиками, но и владеют практическим опытом отстаивания интересов официального Вашингтона за рубежом, так как в том или ином качестве работали в Белом доме, Государственном департаменте, различных министерствах и ведомствах США. Их позиции отражают идею обоснования смены режимов — принудительного политического переустройства суверенных государств, чья политика идет вразрез с геополитическими интересами Америки.

Известный американский политолог Р. Хаас, который в 2001–2003 годах руководил отделом политического планирования Госдепартамента, в 2005 году прямо писал: «Смена режима, ограниченные военные действия, дипломатия и сдерживание — все это следует рассматривать в качестве альтернативных вариантов политики (Соединенных Штатов Америки. — А. Н.)»⁶. Экс-посол США

⁵ См., например: Kissinger H. Does America Need a Foreign Policy? Toward a Diplomacy for the 21st Century. Darby: Diane Pub Co, 2004; Фукуяма Ф. Америка на распутье: Демократия, власть и неоконсервативное наследие. М.: АСТ, 2008; Brzezinski Z. The Choice: Global Domination or Global Leadership. N. Y.: Basic Books, 2009; Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N. Y.: Simon & Schuster, 2011.

⁶ Хаас Р. Смена режима и пределы ее эффективности // Россия в глобальной политике. 2005. № 4. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_5468 (дата обращения: 30.11.2025).

в России, один из ведущих западных специалистов по «цветным революциям» М. Макфол говорил о распространении свободы как об основной цели американской внешней политики на ближайшие десятилетия. Еще в 2002 году он утверждал, что «для содействия свободе требуется сначала сдерживание, а затем устранение тех сил, которые выступают против свободы, будь то отдельные лица, движения или режимы. Затем следует строительство пролиберальных сил, будь то демократы, демократические движения или демократические институты. Наконец, происходит становление правительств, которые ценят и защищают свободу своего народа, как это делают США»⁷.

В качестве непосредственных причин «цветных революций» в данных работах называются именно внутренние факторы. Ф. Фукуяма, например, отмечал, что усилия по смене авторитарных режимов путем внешних поощрений и санкций неизменно будут менее эффективными, нежели внутренняя перестройка их природы, и указывал, что к началу XXI века усилиями США была создана широкая международная инфраструктура «мягкой силы», «призванная помогать народам в проведении первичного перехода от авторитарного правления к демократическому и к дальнейшему укреплению демократических институтов после того, как сделан первый шаг в осуществлении преобразований»⁸. Однако он делал важное уточнение: «Инициатива перемен рождалась внутри самой страны... Внешние спонсоры не могут самостоятельно определить сроки проведения демократических преобразований. Взрыв происходит тогда, когда имеется искра — политическое убийство или недобросовестно проведенные выборы. Тогда происходит мобилизация населения и начинаются вспышки недовольства»⁹.

⁷ McFaul M. The Liberty Doctrine // Policy Review. 2002. № 112. P. 1–24.

⁸ Фукуяма Ф. Указ. соч. С. 47, 181.

⁹ Там же. С. 183.

На наш взгляд, экс-сотрудник Госдепартамента США лукавит, ведь подготовка «революций» велась западными институтами «мягкой силы» задолго до начала активной фазы государственного переворота. В целом стоит отметить, что дискурс о «мягкой силе» как «цветных» технологиях крайне редко используется в зарубежной литературе. Как правило, обратная сторона использования «мягкой силы» в качестве инструмента вмешательства во внутреннюю политику иных государств приписывается западными авторами действиям авторитарных государств (в последнее время среди них неизменно фигурирует Российская Федерация), а политика США в данном направлении обозначается как усилия по продвижению демократии, которая лишь содействует искреннему стремлению граждан зарубежных стран к свободе.

Занимающийся проблемами «цветных революций» Л. Митчелл называет их политическим транзитом от одной формы полудемократии к другой, происходящим вследствие фальсификаций выборов правящим режимом, в результате которых к власти приходят прозападные и более демократические правительства. Их предпосылки автор видит в коррумпированности и неэффективности властей, вызвавших в обществе стойкое желание перемен, а причину успеха — в структурной слабости этих режимов и относительной общественной свободе, которую они допускали¹⁰. Митчелл упоминает, что лидеры «цветных революций» организовывали каждую из них на основе предыдущей: «В случае с Грузией образцом была “бульдозерная революция” в Сербии, украинцы осознанно обратились к грузинской модели и консультировались с ее участниками, в то время как киргизы аналогично консультировались и обучались активистами украинской и грузинской “цветных революций”»¹¹. Несмотря на это,

¹⁰ Mitchell L. The Color Revolutions. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2012. P. 4, 71.

¹¹ Ibid. P. 6.

Митчелл не признает существования определенной технологии по смене политических режимов, считая эти госперевороты «мирными демонстрациями с требованием соблюдения прав человека и демократических преобразований»¹². Хотя он отмечает, что страны, которые столкнулись с «цветными революциями», получали значительную внешнюю помощь для «развития демократии», свержение законных правительств, по его мнению, не являлось плодом «американского заговора», ведь у США якобы не было ни одной веской причины стремиться сменить режимы в Грузии, Украине и Киргизии¹³.

Непосредственный участник «революции роз» Г. Канделаки в исследовании, написанном для американского Института мира, выделяет следующие факторы происхождения «цветных революций»: системная слабость режима и его относительная либеральность, успешные действия оппозиции по радикализации и мобилизации большого количества участников для политической борьбы, усилия гражданского общества, деятельность независимых СМИ и стратегия ненасильственной борьбы молодежных движений. Очевидно, что все перечисленные факторы относятся к внутренним. По поводу роли США и европейских стран Канделаки делает противоречащее объективным фактам заявление о том, что действия западных акторов не только не способствовали успеху «революции роз», но были даже вредны для нее¹⁴.

Еще один зарубежный исследователь вопроса, М. Бейсингер, называет «цветные революции» волной демократических изменений, в ходе которых в посткоммунистическом регионе были свергнуты режимы, практиковавшие фальсификации на выборах, и в целях демократизации к власти были приведены новые лица. По его мнению, «цветные

¹² Mitchell L. The Color Revolutions. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2012. P. 1.

¹³ Ibid. P. 75, 79–80.

¹⁴ Kandelaki G. Op. cit. P. 10.

революции» «основывались на местной инициативе из-за чувства неудовлетворенности среди населения» и «не были разработаны за рубежом, хотя и полагались на значительную иностранную поддержку»¹⁵. Таким образом, Л. Митчелл, Г. Канделаки, М. Бейссингер и еще целый ряд других специалистов однозначно интерпретируют «цветные революции» как некий естественный процесс демократизации общества, отвергая саму идею экзогенного характера их возникновения.

Часть западных авторов занимает более взвешенную позицию. Дж. Голдстоун, например, к предпосылкам возникновения «цветных революций» относит внутренние факторы, такие как нарушения режимом законности, и коррумпированность власти, которая прибегала к фальсификациям на выборах: именно протест против этих фальсификаций превращался в «мощное движение, приводившее к смене этого режима»¹⁶. В то же время он справедливо пишет, что, для того чтобы акции ненасильственного сопротивления переросли в «цветную революцию», завершающуюся сменой режима, одних внутренних предпосылок недостаточно. По его мнению, «цветные» технологии достигали успеха только в том случае, если режим имел сильную зависимость от одной из западных держав, которая в момент начала демонстраций, организованных натренированной по методике Дж. Шарпа международной сетью активистов оппозицией, не давала законному правительству решительно их подавить¹⁷.

Заслуживающий внимания методологический подход применил британский политолог С. Уайт, сопоставивший статистические данные стран, прошедших через «цветные революции», и близких по уровню развития

¹⁵ Beissinger M. Structure and Example in Modular Political Phenomena: The Diffusion of the Bulldozer/Rose/Orange/Tulip Revolutions // Perspectives on Politics. 2007. № 5 (2). P. 262.

¹⁶ Голдстоун Д. Революции. Очень краткое введение. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 146.

¹⁷ Там же. С. 145.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru